

Содержание

7

Толстой против насилия.
Предисловие Павла Басинского

13

«Одумайтесь!»
1904 г.

145

Не могу молчать
1908 г.

177

Закон насилия и закон любви
1908 г.

ТОЛСТОЙ ПРОТИВ НАСИЛИЯ

Предисловие Павла Басинского

Статьи Льва Толстого «Одумайтесь!», «Не могу молчать» и «Закон насилия и закон любви» написаны в разное время. Одна — в 1904 году. Две другие — в 1908-м.

Первая связана с началом Русско-японской войны (1904–1905), которую начала не Россия, как многие ошибочно думают, а Япония, вероломно напавшая на русский флот на Дальнем Востоке. В этой войне Россия потерпела поражение, хотя в ее начале не только в правительственные кругах, но и в русском обществе царила уверенность в том, что огромная военная держава легко и быстро справится с «маленькой Японией». В результате этого заблуждения страна потеряла часть своих восточных земель, морскую крепость Порт-Артур и почти весь военный флот — не только дальневосточный, но и балтийский.

Поражение в этой войне во многом стало причиной первой русской революции 1905–1907 годов, подавленной правительством во главе

с премьер-министром и одновременно министром внутренних дел Петром Столыпиным, который в 1907 году ввел в России систему военно-полевых судов. С точки зрения политической целесообразности эти скороспельные суды, заканчивавшиеся ви- селицами (в народе их называли «столыпинскими галстуками»), вероятно, были оправданы. Сегодня трудно судить, каким еще образом можно было погасить волну революционного террора, унесшего жизни тысяч людей — от видных государственных лиц вроде прежнего министра внутренних дел В. К. Плеве до никому не известных полицейских, — и как еще можно было остановить массовые крестьянские поджоги помещичьих усадеб и зверские убийства самих помещиков.

Однако жестокость ответного правительственно-го «террора» ужаснула не только Толстого, но и всю общественность.

И здесь необходимо пояснение.

К началу XX века Россия была самой прогрессивной страной в отношении смертных казней. Еще со времен дочери Петра I императрицы Елизаветы Петровны (XVIII век) в России была отменена смертная казнь за уголовные преступления. Ни один уголовный преступник, даже самый отъявленный убийца, не был казнен на протяжении более ста лет. Казнили политических преступников, покушавшихся на царских особ (Каракозов, «народовольцы», Дмитрий Ульянов). Казнили тех, кто угрожал существованию монархической власти (Разин, Пугачев, декабристы). Но обычных преступников не казнили, а только отправляли на каторгу.

В этом плане Россия была намного прогрессивнее Европы. Она была такой Европой, которая возникла только во второй половине XX века, отказавшись от смертной казни как от устаревшего, средневекового акта возмездия за преступление.

Свидетельством тому литература.

В романе французского писателя Стендalu «Красное и черное», перевода которого на русский язык вышел в 1874 году, главный герой за покушение на убийство женщины, оставшейся после его выстрела живой, идет на гильотину и лишается головы.

В 1866 году в журнале «Русский вестник» вышел роман Федора Достоевского «Преступление и наказание». За убийство двух женщин, «старухи-процентщицы» и ее сестры, с целью ограбления Раскольников всего лишь отправляется на каторгу.

Отсюда еще и такая реакция русского общества на «столыпинские галстуки». Россия просто отвыкла от смертных казней. В России не было института профессиональных палачей, их приходилось срочно «вербовать» из случайных людей. И обществу, как и Толстому, показалось, что страна в однажды опрокинулась в какое-то дикое Средневековье.

Для Толстого Петр Столыпин был не чужой человек. В молодости он дружил с его отцом Аркадием Столыпиным, с которым вместе служил в осажденном Севастополе во время Крымской войны (1853–1856). Так что политическое «поведение» сына его товарища было ему вдвое возмутительно.

Всё это необходимо понимать при современной оценке статьи Толстого «Не могу молчать».

Но как мог бывший боевой офицер Толстой, прошедший Кавказскую и Крымскую войны, отрицать войну как таковую? Он что, не понимал, что войны иногда неизбежны?

Разумеется, понимал. И поражение русской армии на Дальнем Востоке его не радовало. А сдача Порт-Артура просто возмутила. «Разве в наше время так воевали?!» — воскликнул он, по воспоминаниям одного из свидетелей.

Но здесь нужно брать в расчет мировоззрение Толстого, которое складывалось у него после «духовного переворота» в конце 1870-х — начале 1880-х годов. С этого времени он последовательно становится не только писателем, но и религиозным мыслителем с крайне категорическим пониманием христианства как самого верного религиозного учения, которое выработало человечество на протяжении своего существования. Отсюда так часто в его статьях цитируются Евангелие и самый, наверное, глубокий христианский мыслитель Европы Блез Паскаль.

Война противоречит главному закону христианского учения: «не убий». Война — это очевидное зло, а мириться со злом, даже если оно вызвано необходимостью, христианин не может.

И еще нужно понять важную вещь. С детских лет Толстой был противником насилия. Любой насилия. Прежде всего — насилия над душой человека. Но и над телом — тоже.

Еще во времена детства Толстого в Ясной Поляне никогда не били детей. Эта традиция шла по линии обоих родов — отца и матери — Толстых

и Волконских. Поднять руку на существо, которое не может или не имеет права защищаться, считалось в этих семьях позорным.

В повести «Детство» Толстого вы не найдете ни одного случая, чтобы ребенка телесно наказывали за какую-то провинность. Хотя сечь розгами детей было нормой в других аристократических семьях, даже царских.

В статье 1895 года под названием «Стыдно», посвященной телесным наказаниям, Толстой обращает главное внимание не на физическую, а на нравственную сторону расправы. «Высшее правительство огромного христианского государства, 19 веков после Христа, ничего не могло придумать более полезного, умного и нравственного для противодействия нарушениям законов, как то, чтобы людей, нарушавших законы, взрослых и иногда старых людей, оголять, валить на пол и бить прутьями по задницам».

Это — Толстой! Да, он категоричен. Но он прав. Человека нельзя бить, насиливать и тем более убивать, потому что он — Божье создание. А если это происходит по причинам «целесообразности», то, может, всем людям и правда пора «одуматься»?

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ,
писатель, журналист, лауреат премии
«Большая книга»

«ОДУМАЙТЕСЬ!»

1904 Г.

Ныне ваше время и власть твоя.

ЛУКА, 22:53

I

«Только беззакония ваши были средосте-
нием между вами и Богом вашим, и грехи
ваши закрыли лицо его от вас, чтобы он
не слышал; потому что руки ваши осквер-
нены кровью и персты ваши беззаконием;
уста ваши говорят ложь; язык ваш произ-
носит неправду. Никто не поднимает го-
лоса за правду и никто не судится по ис-
тине; уповают на пустое и говорят ложью,
зачинают беду и рождают беззаконие.

Дела их суть дела греховные, и руки их
производят насилие; ноги их бегут ко злу
и спешат проливать невинную кровь; по-
мысления их — помышления грехов-
ные; опустошение и гибель на пути их;
они не знают пути мира, и нет право-
судия на стезях их, они сами искривили
свои пути; никто ходящий по ним не знает
мира. Потому-то и далеко от нас право-
судие, и правда не доходит до нас; мы
ожидаем света, но вот тьма; ждем сияния,
но ходим во мраке; ощупываем стену, как
слепые, и ощупью ходим, как безглазые,
в полдень спотыкаемся, как в сумерки,
в темноте, как мертвецы».

Исаия, 59, 2–4, 6–10

«Ограничимся тем, что напомним, что различные государства Европы накопили долг в 130 миллиардов, из которых около 110 сделано в продолжение одного века, и что весь колоссальный долг этот сделан исключительно для расходов по войне, что европейские государства держат в мирное время в войске более 4 миллионов людей и могут довести это число до 110 миллионов в военное время; что две трети их бюджетов поглощены процентами на долг и содержанием армий сухопутных и морских».

Молинари

«Но война более уважаема, чем когда-либо. Искусный артист этого дела, гениальный убийца г-н Мольтке, такими странными словами отвечал делегатам мира:

— Война свята, божественного учреждения, один из священных законов мира. Она поддерживает в людях все великие и благородные чувства: честь, бескорыстие, добродетель, храбрость; одним словом, спасает людей от отвратительного материализма.

Так что соединиться в стада четырехсот тысяч человек, без отдыха ходить день и ночь, ни о чем не думать, ничего не изучать, ничему не научаться, ничего не читать, не быть полезным никому, загнивать в нечистоте, спать в грязи, жить как скоты, в постоянном одурении, грабить города, сжигать деревни, разорять народы, потом, встретив такое же другое скопище человеческого мяса, бросаться на него, проливать озера крови, покрывать поля разорванным мясом и кучами трупов устилать землю, быть искалеченными, быть размозженными без пользы для кого бы то ни было и наконец издохнуть где-нибудь на чужом поле, тогда как ваши родители, ваша жена и дети дома умирают с голода, — это называется спасать людей от отвратительного материализма».

Гюи де Мопассан

Oпять войны. Опять никому не нужные, ничем не вызванные страдания, опять ложь, опять всеобщее одурение, озвенение людей.

Люди, десятками тысяч верст отделенные друг от друга, сотни тысяч таких людей, с одной стороны буддисты, закон которых запрещает убийство не только людей, но животных, с другой стороны христиане, исповедующие закон братства и любви, как дикие звери, на суще и на море ищут друг друга, чтобы убить, замучить, искалечить самым жестоким образом.

Что же это такое? Во сне это или наяву? Сoverшается что-то такое, чего не должно, не может быть, — хочется верить, что это сон, и проснуться.

Но нет, это не сон, а ужасная действительность.

Еще можно понять, что оторванный от своего поля, бедный, неученый, обманутый японец, которому внушено, что буддизм не состоит в сострадании ко всему живому, а в жертвоприношениях идолам, и такой же бедняга тульский, нижегородский, полуграмотный малый, которому внушено, что христианство состоит в поклонении Христу, Богородице, святым и их иконам, — можно понять, что эти несчастные люди, доведенные вековым насилием и обманом до признания величайшего преступления в мире — убийства братьев — доблестным делом, могут совершать эти страшные дела, не считая себя в них виноватыми. Но как могут так называемые просвещенные люди проповедовать войну, содействовать ей, участвовать в ней и, что ужаснее всего, не подвергаясь опасностям войны,

возбуждать к ней, посыпать на нее своих несчастных, обманутых братьев? Ведь не могут же эти так называемые просвещенные люди, не говоря уже о христианском законе, если они признают себя его исповедниками, не знать всего того, что писалось, пишется, говорилось и говорится о жестокости, ненужности, бессмысленности войны. Ведь потому они и считаются просвещенными людьми, что они знают всё это. Большинство из них сами писали или говорили об этом. Не говоря уже о вызвавшей всеобщее восхваление Гаагской конференции, о всех книгах, брошюрах, газетных статьях, речах, трактующих о возможности разрешения международных недоразумений международными судилищами, все просвещенные люди не могут не знать того, что всеобщие вооружения государств друг перед другом неизбежно должны привести их к бесконечным войнам или к всеобщему банкротству, или к тому и другому вместе; не могут не знать, что кроме безумной, бесцельной траты миллиардов рублей, то есть трудов людских на приготовления к войнам, в самых войнах гибнут миллионы самых энергических, сильных людей в лучшую для производительного труда пору их жизни (войны прошлого столетия погубили 14 000 000 людей). Не могут просвещенные люди не знать того, что поводы к войнам всегда такие, из-за которых не стоит тратить не только одной жизни человеческой, но и одной сотой тех средств, которые расходуются на войну (на освобождение негров истрачено в много раз больше того, что стоил бы выкуп всех негров юга). Все знают, не могут не знать главного, что войны, вызывая

в людях самые низкие, животные страсти, разворачиваются, озверяют людей. Все знают неубедительность доводов, приводимых в пользу войн, в роде тех, которые приводил Де-Местр, Мольтке и другие, так как все они основаны на том софизме, что во всяком бедствии человеческом можно найти полезную сторону, или на совершенно произвольном утверждении, что войны всегда были и потому всегда будут, как будто дурные поступки людей могут оправдываться теми выводами и пользой, которые они приносят, или тем, что они в продолжение долгого времени совершились. Все так называемые просвещенные люди знают всё это. И вдруг начинается война, и всё это мгновенно забывается, и те самые люди, которые вчера еще доказывали жестокость, ненужность, безумие войн, нынче думают, говорят, пишут только о том, как бы побить как можно больше людей, разорить и уничтожить как можно больше произведений труда людей, и как бы как можно сильнее разжечь страсти человеконенавистничества в тех мирных, безобидных, трудолюбивых людях, которые своими трудами кормят, одевают, содержат тех самых мнимо просвещенных людей, заставляющих их совершать эти страшные, противные их совести, благу и вере дела.

Не могут просвещенные
люди не знать того,
что поводы к войнам
всегда такие, из-за
которых не стоит
тратить не только одной
жизни человеческой,
но и одной сотой
тех средств, которые
расходуются на войну.

III

«И Микромегас сказал:

— О, вы, разумные атомы, в которых вечное Существо выразило свое искусство и свое могущество, вы, верно, пользуетесь чистыми радостями на вашем земном шаре, потому что, будучи так мало материальны и так развиты духовно, вы должны проводить вашу жизнь в любви и мышлении, так как в этом настоящая жизнь духовных существ.

На эту речь все философы покачали головами, и один из них, наиболее откровенный, сказал, что, за исключением малого числа мало уважаемых жителей, всё остальное население состоит из безумцев, злодеев и несчастных.

— В нас больше телесности, чем нужно, если зло происходит от телесности, и слишком много духовности, если зло происходит от духовности, — сказал он. — Так, например, в настоящую минуту тысячи безумцев в шляпах убивают тысячи других животных в чалмах или убиваются ими, и так это ведется с незапамятных времен по всей земле.

— Из-за чего же ссорятся эти маленькие животные?

— Из-за какого-нибудь маленького кусочка грязи, величиной с вашу пятку, — отвечал философ, — и ни одному из людей, которые режут друг друга, нет ни малейшего дела до этого кусочка грязи. Вопрос для них только в том, будет ли этот кусочек принадлежать тому, кого называют султаном, или тому, кого называют кесарем, хотя ни тот, ни другой не видел этого кусочка земли. Из тех же животных, которые режут друг друга, почти никто не видел того животного, ради которого они режутся.

— Несчастные, — воскликнул Сириец, — можно ли представить себе такое безумное бешенство! Право, мне хочется сделать три шага и раздавить весь муравейник этих смешных убийц.

— Не трудитесь делать этого, — отвечали ему. — Они сами заботятся об этом. Впрочем, и не их надо наказывать, а тех, варваров, которые, сидя в своих дворцах, предписывают убийства людей и велят торжественно благодарить за это Бога».

Вольтер

«Безумие современных войн оправдывается династическим интересом, национальностью, европейским равновесием, честью. Этот последний мотив самый дикий, потому что нет ни одного народа, который не осквернил бы себя всеми преступлениями и постыдными поступками, нет ни одного, который не испытал бы всевозможных унижений. Ежели же существует честь в народах, то какой же странный способ поддерживать ее войной, то есть всеми теми преступлениями, которыми бесчестит себя честный человек: поджигательством, грабежами, убийством...»

Анатоль ФРАНС

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru